

*200-летию Института востоковедения
Российской академии наук посвящается*

ОТ ВЕКА БРОНЗОВОГО ДО ВЕКА ЦИФРОВОГО: ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
Ministry of Education and Science of Russian Federation
ALTAI STATE UNIVERSITY

**MIGRATION THROUGHOUT TIMES:
FROM THE BRONZE AGE
TO THE CENTURY
OF THE DIGITAL**

Barnaul

Altai State
University Press
2018

Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОТ ВЕКА БРОНЗОВОГО ДО ВЕКА ЦИФРОВОГО: ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Коллективная монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

УДК 902/904
ББК 63.4
О80

Редакционная коллегия:

академик РАН В. В. Наумкин,
д-р ист. наук А. А. Тишкин,
д-р ист. наук П. К. Дашковский
канд. ист. наук С. А. Панарин

Рецензенты:

д-р ист. наук С. Н. Абашин,
д-р экон. наук Ю. Г. Александров,
д-р полит. наук А. С. Железняков

Editorial Board:

Vitalii A. Naumkin, acad., RAS
Alexei A. Tishkin, Dr. Sc. (History),
Petr K. Dashkovskiy, Dr. Sc. (History)
Sergei A. Panarin, Cd. Sc (History)

Peer-reviewed by:

Sergei A. Abashin, Dr. Sc. (History),
Yurii G. Alexandrov, Dr. Sc. (Economics),
Aleksandr S. Zheleznyakov, Dr. Sc. (Political Studies)

О80 От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени [Текст] : колл. монография / [сост., науч., лит. ред. С.А. Панарин; ред. англ. текстов А.А. Космарский]; Ин-т востоковедения РАН; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. – 436 с.
ISBN 978-5-7904-2258-4

Предлагаемая коллективная монография – результат едва ли не первой в российской науке попытки сотрудничества специалистов по современным и историческим миграциям. Ее авторы рассматривают феномен миграции, используя подходы, принятые в истории, археологии, этнологии, демографии, социологии, политологии и других отраслях гуманитарного знания. Хронологическими рамками книги охватывается огромный промежуток времени. Его нижнюю границу образует нашествие на Ближний Восток в первой половине XII в. до н.э. «народов моря». Верхняя граница совпадает с так называемым миграционным кризисом, случившимся в Западной Европе в середине второго десятилетия XXI в. н.э. Книга структурирована так, чтобы легче было соотнести различные case studies из репертуара прошлых и нынешних миграций. Это позволит читателю самостоятельно увидеть на протяженной временной шкале возможное типологическое сходство в причинах, факторах и последствиях миграций, принадлежащих разным историческим эпохам и разворачивавшихся в различных регионах мира.

УДК 902/904
ББК 63.4

Migration throughout Times: from the Bronze Age to the Digital Age : a collective monograph / [Compiled and edited by Sergei A. Panarin; editor of texts in English Artyom A. Kosmarskii]; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Altai State University. – Barnaul : Altai State University Publishers, 2018. – 436 p.

This multi-authored monograph is the result of the fruitful collaboration between the experts in contemporary and historical migrations – probably a first example of such a collaboration in Russian academic practice. The authors of the book study migrations through the lens of history, archeology, ethnology, demography, sociology and other social sciences. Chronologically speaking, the timeline of the book begins with the intrusion of the “Sea Peoples” into the Eastern Mediterranean (1200–900 BC) and ends with the mid-2010s European migration crisis. The structure of the book facilitates the comparison of different case studies of past and present migrations. It allows the reader to compare and contrast the causes, factors and consequences of migrations that have taken place in different regions and historical eras.

ISBN 978-5-7904-2258-4

- © Панарин С.А., сост., предисл., заключение, указатели, 2018
- © Институт востоковедения РАН, 2018
- © Алтайский государственный университет, 2018
- © Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2018

- © Panarin, Sergei A., 2018
- © Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018
- © Altai State University, 2018
- © Altai State University Press, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Миграции на шкале <i>longue durée</i> . <i>Сергей Панарин</i>	11
---	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОМПОНЕНТЫ МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА: ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Глава I. Беженцы и насильственно перемещенные группы	31
---	----

1.1. Три примера принудительных миграций из истории евразийских степей. <i>Николай Крадин</i>	31
1.2. Миграция евреев в Шанхай: вторая половина XIX – первая половина XX в. <i>Евгения Диденко</i>	39
1.3. Syrian Refugees and Turkish Society. <i>Soner Dursun</i>	46

Глава II. Номады прошлого и настоящего	54
--	----

2.1. Кочевники Внутренней Азии в домонгольский период: причины и факторы миграций внутри региона и переселений в Восточный Туркестан, Семиречье и Среднюю Азию. <i>Сергей Васютин</i>	54
2.2. Современные трансграничные миграции и цифровой номунизма. <i>Мариям Арпентьева</i>	64

Глава III. Главный поток современной миграции: трудовые мигранты	77
--	----

3.1. Трансграничные миграции в международных экономических отношениях. <i>Нина Цветкова</i>	77
3.2. «Китайцы никогда не умирают»: чем отличается китайская иммиграция в Италии и как итальянцы ее воспринимают. <i>Уго Перси</i>	85
3.3. Из России в Южную Корею: что ищут российские мигранты в «Стране утренней свежести». <i>Юлия Файзрахманова</i>	93
3.4. Феномен «монголтауна» в Сеуле. <i>Марина Балдано, Светлана Кириченко</i>	101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МИГРАЦИИ: ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Глава IV. Вытесняющий эффект природных процессов	114
---	-----

4.1. Природно-климатический фактор трансграничных миграций в прошлом и настоящем. <i>Ирина Лебедева, Тимур Василенко</i>	114
4.2. «Черная смерть» и миграции населения Золотой Орды. <i>Тимур Хайдаров</i>	123

Глава V. Роль миграционного процесса и миграционного режима: опыт Российской империи	132
5.1. Западная Сибирь в эпоху трех трансграничных миграций (конец XVI – начало XVIII в.). <i>Владимир Пузанов</i>	132
5.2. Суд и местное самоуправление у мигрантов из Средней Азии в России XVIII – первой четверти XIX в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи). <i>Роман Почекаев</i>	140
5.3. Эхо истории: миграционная политика России в Бессарабии в первой половине XIX в. в контексте современных политических процессов в Молдове. <i>Василий Сакович</i>	144
5.4. Политика правительства в отношении миграции российских мусульман во второй половине XIX – начале XX в. <i>Петр Дашковский, Елена Шеринёва</i>	152
Глава VI. Социальные детерминанты миграционных решений ...	159
6.1. Nascent Youth Labour Migration from Ethiopia to the Middle East: Historical Roots and Theoretical Explanations. <i>Zelalem Teferra</i>	159
6.2. Казахстан: трансграничные миграции и социальные сети. <i>Айгуль Есимова</i>	171
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ: НАБЛЮДАЕМЫЕ И РЕКОНСТРУИРУЕМЫЕ ЭФФЕКТЫ	
Глава VII. Демографические и этносоциальные эффекты миграций	179
7.1. Этнические кластеры в России на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв.: ушедший в прошлое и ожидаемый в будущем осадок миграционных процессов. <i>Виктор Дятлов</i>	179
7.2. Казахстан: миграции и особенности суверенных этносоциальных процессов. <i>Александр Алексеенко, Ольга Колесникова</i>	186
7.3. Влияние внешней миграции монголов на демографические и социальные процессы в Монголии. <i>Нямаа Галиймаа</i>	192
Глава VIII. Этноареальные, этногенетические и этноэкономические изменения под воздействием миграций	201
8.1. Переселения народов первой трети XII в. до н.э. и хурритский мир. <i>Александр Немировский</i>	201
8.2. Трансформация этнической идентичности гагаузов в контексте их миграции с Балкан в Бессарабию. <i>Елизавета Квилинкова</i>	211

Chapter V. The role of migration regime and migration process itself: an experience of Russian empire 132

5.1. Western Siberia in the era of the three cross-border migrations (the end of the 16th – beginning of the 18th century). *Vladimir Puzanov* 132

5.2. Court and local self-government of migrants from Central Asia into Russia in the 18th and the first quarter of the 19th century (according to the Complete Collection of the Russian Empire Laws). *Roman Pochekaev* 140

5.3. A tool of history – an echo of history: the Russia’s migratory policies in Bessarabia in the first half of the 19th century versus the current political process in Moldova. *Vasilii Sakovich* 144

5.4. Muslim migration and government policies in Russia in second half of the 19th and the beginning of the 20th century. *Petr Dashkovskiy, Elena Shershniova* 152

Chapter VI. Social determinants of decisions to migrate 159

6.1. Nascent youth labour migration from Ethiopia to the Middle East: historical roots and theoretical explanations. *Zelalem Teferra* 159

6.2. Kazakhstan: cross-border migrations and social networks. *Aygul’ Esimova* 171

**PART THREE. MIGRATIONS’ EFFECTS:
OBSERVED AND RECONSTRUCTED**

Chapter VII. Demographic and ethnic-cum-social effects of migrations 179

7.1. Ethnic clusters in Russia at the turn of 19th – 20th and 20th – 21st centuries: outlived and projected sediments of migration process. *Viktor Diatlov* 179

7.2. Kazakhstan: migration and characteristic features of ethnic-cum-social process since sovereignty. *Aleksandr Alexeenko, Ol’ga Kolesnikova* 186

7.3. The impact of Mongolian external migration on demographic and social process in Mongolia. *Niamaa Galiymaa* 192

Chaptert VIII. Under the impact of migrations: changes in ethnic areas, ethnic consolidation and ethnic economics 201

8.1. Migrations in the first decades of the 12th century BC and the Hurrian world. *Aleksandr Nemorovskii* 201

8.2. The Gagauz: transformation of ethnic identity in the context of their migration from the Balkans into Bessarabia. *Elizaveta Kvilinkova* 211

Глава VIII

ЭТНОАРЕАЛЬНЫЕ, ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МИГРАЦИЙ

8.1. Переселения народов первой трети XII в. до н.э. и хурритский мир

Хурритский мир позднего бронзового века¹ (1500–1200 гг. до н.э.) – это пространство, образуемое теми областями Леванта, юго-восточной Малой Азии, верхнего Евфрата и Тигра, севера Верхней Месопотамии и левобережья среднего Тигра до Армянского Тавра и верховий обоих Забов, где этнополитически доминировали хурриты. То было единство не только как механическая совокупность хурритоязычных областей с точки зрения современной лингвистики, но и реальное этнокультурное единство, сознававшее себя таким, что наиболее ярко выражалось в особой концепции, распространенной у хурритов средних столетий II тыс. до н.э. Согласно этой концепции, хурритский мир, обобщенно именуемый «Страны Хурри», в принципе должен был быть и политически объединен, и держава, которая оказывалась близка к достижению этой цели, принимала, наряду с обычным своим наименованием, соответствующее название-титул «Страна Хурри» в единственном числе. Это словоупотребление разделяли и соседи хурритов – хетты. Таким образом, основная масса хурритов считалась общностью поверх политических границ сразу по само- и по иноидентификации. На протяжении большей части позднего бронзового века «Страной Хурри» именовалось государство Митанни (Ханигальбат) – на самом

¹ См. о нем в целом: (Вильгельм Г., 1992).

деле почти всехурритская империя, несколько раз включавшая в границы своего владычества практически весь хурритский мир и постоянно контролировавшая бóльшую его часть. Митанни служило объединяющим центром для хурритского мира и в области материальной культуры.

Занимая центральную часть древнего Ближнего Востока, где скрещивались его основные пути, хурритский мир оказывался интегрирующим фактором и центральным звеном знаменитой системы международных отношений позднего бронзового века, впервые в истории охватившей весь Ближний Восток. Однако цепи миграций, основные этапы которых будут очерчены ниже, привели к распаду и крушению хурритского мира.

I

Серьезный удар постиг хурритский мир еще в середине XIV в. до н.э. Тогда Супшилулиумас Хеттский, сломив великодержавие Митанни, покорил западную часть «стран Хурри». Львиную же долю могущества Митанни унаследовал Ашшурбаллит Ашшурский, аннексировавший значительную часть хурритского Востока и создавший тем самым Ассирию как крупную державу. Хетты и ассирийцы вступают в противоборство за доминирование в Передней Азии (и прежде всего за господство над Ханигальбатом), а хурритский ареал делается отныне всего лишь главным полем этого противоборства. Однако главный удар по хурритскому миру нанесли, во-первых, великое балканско-анатолийское движение народов конца XIII – начала XII в., в египетских текстах отразившееся как нашествие в первую декаду правления Рамсеса III «северян с их островов» (т.е. жителей эгейско-балканского ареала), вызвавшее около 1190 г. падение Хатти и других государств, во-вторых, последствия этого падения¹.

Напомним, опираясь, в частности, на исследования А.В. Сафронова (2006), что особенно важная роль в этом движении принадлежала ахейским грекам и племенам северной части циркумэгей-

---

¹ Литература по этой теме огромна, ограничимся отсылками на наиболее доступные обобщающие и отечественные работы, в которых читатель найдет развернутую библиографию: Дьяконов И.М., 1968, с. 102–105, 115–119; Barnett R.D., 1975; The Crisis Years..., 1992; Yakar J., 1993; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л., 1996; Bryce T., 1998, p. 367–384; Сафронов А.В., 2006; Cline E., 2014 (ср. обзор: Немировский А.А., 2002).

ского ареала. Конфликт ахейцев с Илионским царством – Вилусой хеттских источников – известен как Троянская война, в которой на стороне Илиона, по-видимому, выступали попавшие под его влияние южнобалканские племена до бассейна Стримона включительно, по греческой традиции частично перешедшие в связи с войной в Азию. Потерпев поражение вместе с Илионом, они частью остались в Троаде, частью двинулись дальше на восток вперемешку с частью победителей-ахейцев (Немировский А.А., 2001). В надписи пятого года правления Рамсеса III (Сафронов А.В., 2006, с лит.) тот же конфликт ахейцев с Илионским царством предстает как разорение неким врагом страны теккер-тевкров, пелесет-пеластов и турша (тевкры и турша – народы Троады, пеласты – народ Южных Балкан и Троады). В результате эти и другие племена сдвинулись с места и вторглись в Анатолию, Левант и Египет.

Помимо ахейцев, важную роль в описанном движении сыграли следующие группировки племен Южных Балкан и Северо-Западной Анатолии (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015):

1. Мигдоны, аскании и берекинты, занимавшие первоначально территорию к востоку от низовий Стримона. За вычетом части мигдонов, они еще в середине XIII в. до н.э. переселились на северо-запад Анатолии. С ними связывают этноним *фрюг-* («фригийцы»).

2. Племена – носители этнонима *мюс* («*мис*»)/*мёс*, жившие к северо-западу от первой группы, на средневерхнем Стримоне и далее к Дунаю. Одна их часть оставалась на Балканах до римской эпохи включительно, другая, согласно греческой традиции, переместилась в Анатолию еще до Троянской войны, третья сделала это в связи с войной, воевала на стороне Илиона и, добавим, послужила позднее субстратом вифинов (Немировский А.А., Габелко О.Л., 2005).

3. Северные пеласги, жившие в Эпире, где находилась область Палестэ, на том же верхнем Стримоне, имевшем также название Палестинос (Ps.-Plut. De fluv. 11, 1), и в северо-западной Малой Азии в области Илиона. Известны как *пеласты*: это ранняя, связанная с северными, исконными районами их расселения, форма этнонима, более известного в форме *пеласги* (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015).

Древнее название Стримона – Палестинос. С учетом этого можно предположить, что с движением той группировки стримонских племен, которая в греческих источниках упоминается как на-

род, переселившийся в Малую Азию во время Троянской войны и которую греки соотносили с этнонимом «мюс (мис)», именуя то «фракийцами» (в самом широком смысле слова) царя Реса, отца или отчима-эпонима мюсов Мюса (Миса), то просто «мюсами», то «стримониями», надо хотя бы отчасти связывать и пеластов.

Вся стримонская племенная группировка «мюсов», вместе с вероятно вовлеченной в нее частью пеластов, отразилась в ассирийских источниках XII в. как «мушки» (так называемые восточные мушки научной терминологии), а в египетских надписях Рамсеса III, вероятно, могла быть покрыта термином «пелесет» наряду с собственно пеластами-пеластами (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015)¹.

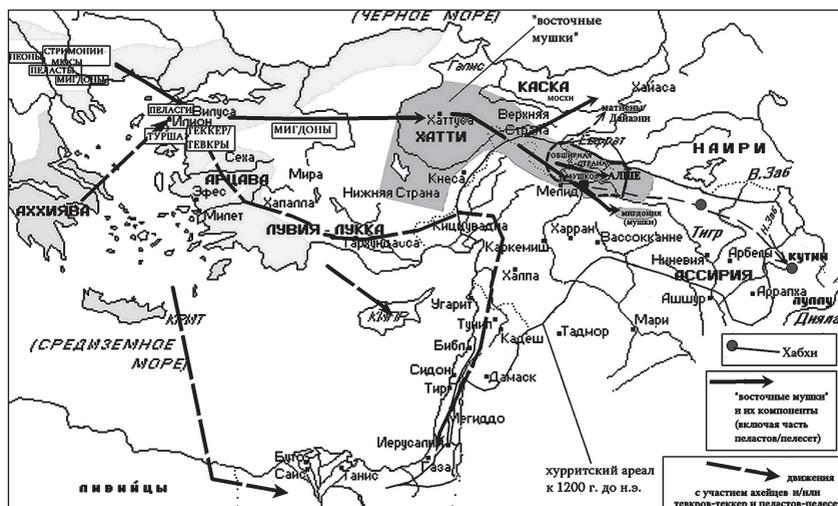
Об участниках самого движения греческая ученая традиция говорит как о «народах, предводимых Амфилохом и Калхантом, какой-то помеси племен, которая последовала за ними из-под Трои. Большинство их осталось в Памфилии, а некоторые <...> рассеялись по Киликии, Сирии и даже вплоть до Финикии (включительно)» (Strabo. 14.3.3). Современные движению надписи пятого и восьмого года Рамсеса III (середина – конец 1190-х гг.) называют его, как уже говорилось, нашествием «северян с островов» (т.е. из бассейна Эгейды), которое началось с разгрома страны теккер, пелесет и турша и продолжилось нашествием как их, так и *дененов* (данайцев) и других племен на восток (Сафронов А.В., 2006). Сокрушив Хатти, они по побережью Киликии и Леванта докатились до подступов к Египту, отбившему их натиск. В ассирийских источниках это движение отразилось в известиях XII в. об атаках неких «мушковых». С ними ассирийцам пришлось сражаться в Верхней Месопотамии близ верхнего Тигра уже при Нинурта-апиль-Экуре (ок. 1180 г.), чуть позднее (ок. 1165 г.) мушки захватили область истоков Тигра в верхнетигрском Алже (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015).

II

Сочетание приведенных выше данных с рядом других позволяет реконструировать ход всего движения на территории Восточной Анатолии следующим образом (см. карту-схему). Главную роль в нем сыграли вышеупомянутые племена со Стримона, соотносимые с этнонимом *мюс*: мушки среднеассирийских источников, про-

¹ Подробнее см.: Немировский А.А., Габелко О.Л., 2005, с. 76–77.

товифинские стримонии/Ресовы «фракийцы» греческих авторов, «восточные мушки» И.М. Дьяконова (1968).

Карта-схема миграционных движений в восточном Средиземноморье и Передней Азии (в первой половине XII в. до н.э.). Составлена автором

Именно восточные мушки разгромили основную территорию Хеттского царства и его столицу Хаттусу и, продолжив миграцию на восток, к 1180 г. вышли на верхний Евфрат и за него, в бассейн верхнего Тигра. В этом движении с Балкан на восток они унесли с собой часть поселившихся ранее в северо-западной Анатолии фригийцев-мигдонов, осевших в итоге в той самой части Верхней Месопотамии, где с «мушками» дрались войска Нинурта-апиле-Экура; здесь, у гор Тур-Абдин, по более поздним ассирийским сообщениям располагалась изолированная область «Мушки», а по античным – соответствующая ей месопотамская Мигдония. Кроме того, они сдвинули со своих мест аборигенов, живших в верховьях Галиса и восточнее, – касков, урумеев и абешлайцев, сместившихся на юго-восток, в область между Галисом и верхним Евфратом и к истокам Тигра. Сами же восточные мушки расселились от Галиса до области истоков Тигра, в итоге обособившись двумя ареалами: галиским и верхнеевфратско-верхнетигрским. Второй из них назывался в ассирийских источниках XII–XI вв. «Обширной

страной Мушков», а сами мушки этого ареала стали этноязыковыми предками армян, галисские же восточные мушки – предками каппадокийцев. Те и другие были носителями так называемой *старофригийской* археологической культуры раннего железного века (Алишар IV) (Немировский А.А., 1999).

Все эти события существенным образом сказались на судьбе хурритского мира. Уже сама гибель великохеттской государственности, выступавшей к этому времени в роли крупнейшего оплота хурритской традиции и культуры, была для хурритов тяжелой утратой, за которой немедленно последовало вымывание хурритского компонента в юго-восточной Малой Азии: здесь хурритов поглотили лувийцы. Прокатившееся вдоль побережья нашествие «народов моря» разгромило этнически хурритские области Сирии и увлекло туда массу лувийцев из Анатолии, так что позиции хурритов ослабели и здесь. Далее, «мюсы», как упоминалось, около 1165 г. разгромили царство Алже, в знак претензий на роль старшего из хурритских царств принявшее к тому времени название «Хурри», и сделали его основную территорию своим важнейшим центром, после чего бассейн верхнего Евфрата и стал именоваться «Обширной страной Мушков». Верхнеевфратские хурритские царства и области Исува и Паххува погибли. Алжейская государственность уцелела, но лишь на его бывшей восточной окраине, и этот остаток продолжал именоваться прежним названием-титолом «Страна Хурри» (аккадоязычный эквивалент в ассирийских текстах – «Шубари/Шубре/Шубриа») (Саркисян Д.М., 1989).

Нагиск с Балкан дал толчок к цепному смещению племен, прежде всего хурритских, на восток, притом в таких масштабах, что его смело можно считать великим переселением хурритских народов. Часть хурритов бежала к северо-востоку, в долину Чороха, где основала царство Диауэхи-Дайаэни (позднее, после картвелизации – Тао). Его хурритская принадлежность определяется по особенностям названия (Хачикян М.Л., 1985, с. 8, прим. 13) и по сообщениям Гекатея (Hecataei, fr. 288) и Геродота (Hdt., I.72, 202) об области *матиенов* (заимствованное греками название хурритов – то же, что «митаннийцы») у правобережья истоков Галиса и у истоков Аракса, что может быть сопоставлено только с Диауэхи-Дайаэни. Хурриты жили здесь анклавом еще во времена Геродота, хотя само царство было аннексировано урартами около 768 г.

Основная масса хурритов, однако, отхлынула вдоль Тигра на юго-восток. Главную роль при этом сыграла, видимо, некая общность «хабов», прошедшая от истока Тигра до излучины Нижнего Заба и осевшая по дороге несколькими анклавами с одинаковыми названиями *Хабхи*, по-хурритски – «хабская» (земля). Этот ключевой факт восстанавливается по характеру упоминаний термина в новоассирийских источниках, знающих несколько областей с названием «Хабхи» от берега Евфрата близ истока Тигра и до излучины Нижнего Заба (Levine L., 1972–1975; Fuchs A., 2000). Главная из них – довольно обширная страна, охватывавшая бассейн Бохтана – верховья Верхнего Заба и простиравшаяся от Армянского Тавра до Тигра с севера на юг. Эта буферная между Ассирией и Урарту область считалась ассирийцами таксономически близкой обеим; отсюда формулы у Саргона II: «Ассирия, Урарту и Хабхи» и «Урарту и Хабхи» (АВИИУ 49; новейшие публикации используемых новоассирийских текстов см.: RIMA 1–3; RINAP 1; Fuchs A., 1994). Другая страна «Хабхи» или «Хабхи, что перед страной Хатти», согласно итинерарию Ашшурнацирапала II, располагалась на водоразделе Евфрата и истоков Тигра, близ гор Эргани-Маден (АВИИУ 23), а третья «Хабхи» – в верховьях Нижнего Заба, в основном по восточную их сторону (АВИИУ 21; АВИИУ 53). Наконец, была еще область «Внутреннее Хабхи», т.е. отрезанное, изолированное от другого/других Хабхи. Она упоминается у Ададнерари II в общем направлении от Ассирии на Алже (АВИИУ 21), а у Ашшурнацирапала II – напротив Тушхана (АВИИУ 26). Географически это либо западная окраина первой Хабхи, либо изолированный анклав недалеко от нее.

III

Итак, мы знаем по меньшей мере три ареала с названием «Хабхи» – приевфратский, бохтанско-верхнезабский и принижнезабский. Между ними лежат совершенно иначе называемые страны, к которым термин «Хабхи» не применяется. «Хабхи» никогда не было обобщающим термином для обширной территории, включающей все ареалы, названные в источниках этим термином; им называются только отдельные страны, упоминающиеся наряду и в общих перечнях с другими, разделяющими их областями с иными наименованиями. Остается признать, что к северу от ассирийских рубежей

располагалось несколько изолированных друг от друга областей с одним и тем же названием «Хабхи». При этом все они находились на правобережье Тигра в исконно хурритском ареале.

Само название «Хабхи» безупречно этимологизируется как алародийское¹ относительное прилагательное на *-hi/e* со значением «хабский». По выражению «хабхийская страна Суги» у Тиглатпаласара I (АВИИУ 10) и упоминанию особого «языка Хабхи» у Саргона II (АВИИУ 49) можно заключить, что этот термин – не потестарно-политический, а этногеографический и этнолингвистический. Наличие мелких изолированных областей с одинаковым названием, растянувшихся цепочкой по одной линии вдоль течения Тигра на южных склонах Армянского Тавра и Загроса, само по себе наводит на мысль о миграции определенной общности как о причине такого явления. Наличие одинаковых имен у нескольких обособленных территорий легче всего объяснять тем, что они произведены от общего этнонимического корня, а приведенная выше этимология названия «Хабхи» подкрепляет эту точку зрения. В целом мы приходим к выводу о миграции вдоль Тигра неких аллародиев *хабов*, скорее всего, именно хурритов; они оседали по дороге различными анклавами, одинаково закономерно получившими название их, т.е. хабской, области.

Термин «Хабхи» впервые появляется у Тиглатпаласара I под 1113 г. в составе выражения «хабхийская страна Суги» (АВИИУ 10). В нее, согласно Тиглатпаласару, входят те же самые области между Бохтаном, оз. Ван и Верхним Забом, которые по составленной на полтора века ранее надписи Салманасара I в совокупности назывались не «Суги», а «Уруатри» (то же, что позднейшее Урарту) (АВИИУ 2). При следующем ассирийском царе Ашшурбелкале пределы Ур(у)атри начинались лишь к северу от этих областей, именно, от Уаткуна. Таким образом, в промежутке между правлениями Салманасара I и Тиглатпаласара I в указанных областях сменилась господствующая племенная организация: на месте племенного союза Уруатри возник хабхийский племенной союз Суги, а Уруатри сместился к северу от него. Эта картина согласуется с тезисом о миграции носителей названия «Хабхи» и объ-

¹ Название языковой семьи (находящейся в пока не выясненном до конца родстве с восточнокавказскими языками), в которую, наряду с хурритским и урартским языками, включаются и другие древние языки Армянского нагорья.

ясняет, почему урартские центры I тыс. лежат вовсе не на основной территории Уруатри Салманасара, а куда севернее, к востоку от оз. Ван. Очевидно, уруатрийская/урартская протогосударственность просто отступила на север от «хабхийцев», вытеснивших ее с ее прежних основных территорий к югу от Армянского Тавра и заместивших ее на этих территориях собственным союзом Суги.

Характерно, что более ранние подробные ассирийские сообщения XIII в. о походах в горы севера и востока еще не знают термина «Хабхи», а новохеттские памятники упоминают к северо-востоку от Галиса и Евфрата, т.е., на месте Дайаэни, совершенно иные образования. Тем самым подтверждается, что Хабхи и Дайаэни – новообразования, появившиеся между ~1200 и ~1120 гг. В сочетании с известиями о вторжении мушков на Верхний Евфрат около 1165 г., географическим распространением термина «Хабхи» и независимо выявляемым миграционным характером его распространения эта датировка дает нам все основания реконструировать общее «разбегание» хурритов из района Верхнего Евфрата в середине XII в. под натиском с запада именно так, как описано выше, и полагать, что «хабы» – это прежде всего верхнеевфратские хурриты.

Об аналогичной хурритской миграции позволяет судить датированное приблизительно 675 г. известие Ассархаддона о неких людях «Мехрану», живущих в Западной Мидии к востоку от истоков Диялы и отличающихся по языку от основного населения этих мест (Дьяконов И.М., 1956, с. 267). «Мехрану» трудно оторвать от наименования страны Мехри, локализуемой в районе горы Джудидаг – в исконно хурритском ареале (упоминается в XIII–XII вв. и в конце X в.), да и окончание у него имеет обычный хурритский вид топонима на *-ан(н)э*. Вероятно, люди «Мехрану» были отселившимися на восток выходцами из Мехри, что дополнительно подтверждается отличиями их языка от речи мидян, согласуется с данными Геродота, по которым область истоков Диялы входила в ареал матиенов (Hdt. V.52), и хорошо вписывается в исторический контекст «великого отступления» хурритов на восток в XII в.

Под натиском арамеев (XI в.) и урартов (XI–X вв.), очевидно, произошел дальнейший существенный отлив хурритов к востоку и северо-востоку за Загрос: они занимают бассейн оз. Урмия и прилегающие районы современного Иранского Азербайджана. Здесь их и помещают под именем «матиенов» античные авторы, у которых

и само оз. Урмия называется Ма(н)тианой. Здесь же возникает несколько царств, из них самым крупным стало в конце IX в. царство Манна. Члены его правящих династий, а также царства Андии в бассейне Кызыл-Узена носят хурритские имена: Ахсери, Уалли и Эрисинни в Манне, Телусина в Андии (см.: Дьяконов И.М., 1956, с. 98, 210, 283). Добавим, что у южного предела Манны лежит область со звучащим по-хурритски названием Месси (Дьяконов И.М., 1956, с. 158). Все это позволяет определять Манну и соседние царства как хурритские. Проникают хурриты, видимо, и в луллубейский бассейн Диялы, так что вскоре после утверждения в начале IX в. над этим регионом ассирийской власти происходит его быстрая хурритизация: в начале IX в. ассирийцы описывают эти места как луллубейские, но античные авторы уже относят бассейн Диялы к ареалу матиенов (Hdt. V.52).

IV

Итак, миграционные волны начала XII в., катализатором части которых послужило нашествие ахейцев на северо-запад Малой Азии – «Троянская война» – привели хурритский мир к сильнейшей трансформации. Он не только перестал существовать как осознанное единство «стран Хурри», но и этноязыковой ареал хурритов оказался разорван, резко сокращен и отброшен на те самые северо-восточные окраины Месопотамии, откуда тысячелетием раньше начиналось их расселение в пределы Плодородного полумесяца. Теперь в этот ареал входили, во-первых, изолированный анклав у истоков Евфрата, Аракса и Чороха, во-вторых, обширное и непрерывное, преимущественно горное, пространство, включавшее долину верхнего Тигра, бассейн части Верхнего и всего Нижнего Заба, области северо-центрального Загроса, бассейн Диялы и Приурмийский район. В таких границах хурритский ареал и существовал всю первую половину – середину I тыс. до н.э.: Гекатей и Геродот, как и позднейшие античные авторы, описывают хурритов в этих границах под именем матиенов, т.е. митаннийцев (Hecat. fr., 288 Hdt. I. 72, 202; Hdt. I. 189; V. 49, 52; Polyb. V. 44,9; Strabo. II. 1.4, XI. 7.2, 8.8, 13.2, 14.8; Ptol. VI. 2, 5). Очевидно, так хурритов, под впечатлением великодержавия Митанни, еще с XIV–XIII вв. называли жители Армянского нагорья, а поздние хурриты, возможно, и сами стали так себя называть.

Александр Немировский